

РЕЧЬ ГАРРИ КАСПАРОВА В ВЕСТМИНСТЕРСКОМ КОЛЛЕДЖЕ В ФУЛТОНЕ

Гарри Каспаров: Не говорите мне, что противостоять Путину слишком рискованно
update: 13-04-2016 (11:28)

Вестминстерский колледж в Фултоне (штат Миссури) традиционно приглашает выдающихся людей прочесть лекции по экономическим и социальным проблемам, вызывающим озабоченность международного сообщества. В этом зале выступали Уинстон Черчилль, Гарри Трумэн, Джеральд Форд, Джордж Буш — старший, Рональд Рейган, Лех Валенса, Михаил Горбачев, Маргарет Тэтчер и многие другие.

Название моей сегодняшней речи — “Решимость продолжать”. Надеюсь, что многие присутствующие здесь эксперты простят мою маленькую вольность с использованием в названии речи одной из бесчисленных цитат, приписываемых Черчиллю. Она звучит: “Успех — не окончателен, неудачи — не фатальны, значение имеет лишь решимость продолжать”. Звучит красиво, но нет никаких подтверждений о том, что Черчилль когда-либо говорил или писал это. Но эта цитата всегда ассоциируется с его именем. Как однажды сказал великий Лев Толстой: “Не верьте всему, что вы читаете в Интернете!” На самом деле это должно быть весьма лестно. Великолепная фраза о решимости мгновенно становится заслуживающей доверия, если ее приписать Уинстону Черчиллю! В конце концов Черчилль действительно писал, что решимость является важнейшим из человеческих качеств, потому что она определяет все остальные. Кроме того, это то качество, которое привлекало меня в нем больше всего.

53 года назад, 9 апреля 1963 года, за четыре дня до моего рождения, президент Джон Ф. Кеннеди объявил Уинстона Черчилля почетным гражданином США. Джон Ф. Кеннеди сказал: “Всегда и везде, где возникала угроза тирании, он боролся за свободу. Без страха глядя в будущее, он никогда не забывал о прошлом. Служа шести монархам в своей родной Великобритании, он служил свободе и достоинству всего человечества”. Речь Кеннеди еще раз подтвердила, что Черчилль всегда будет оставаться критерием морального мужества — и не только за время его военного руководства. Он оказался прав в самых главных вещах, оставаясь верным своим убеждениям, даже когда к его словам не прислушивались современники.

Это большая честь выступать здесь сегодня, чтобы отдать дань уважения человеку, который так много значит для меня и для всех вас. Когда Черчилль произносил свою знаменитую речь здесь, в Фултоне, 70 лет назад, “Нью-Йорк Таймс” сообщила, что это было такое знаменательное событие, что люди приехали “из таких отдаленных уголков, как Сент-Луис!”. Я приехал сегодня утром из Нью-Йорка, но мой акцент должен сказать вам, что я преодолел гораздо большее расстояние в своей жизни, чтобы быть здесь с вами сегодня.

На самом деле я всегда говорю в американских аудиториях, что был рожден на далеком Юге, в непосредственной близости от Georgia. Это правда! Я родился на самом юге Советского Союза, в Баку, в Азербайджане в непосредственной близости от Республики Грузия!

Мои родители учились в школе в Советском Союзе, когда сэр Уинстон уже выступал здесь в 1946 году. Они

росли за железным занавесом, о котором он предупреждал. И этот занавес между свободными и несвободными мирами становился все выше и прочнее. К тому времени когда я завоевал свой первый советский шахматный титул в 1976 году, в возрасте 12 лет, многие из вещей, о которых Черчилль предупреждал, стали уже повседневной жизнью для целого поколения. **Разделенная Германия, советский блок и холодная война стали, казалось, неизменной составляющей нашей жизни.** Но к тому времени, когда я стал чемпионом мира в 1985 году, становилось все более очевидным, что семена победы в холодной войне, которые были посеяны Черчиллем и президентом Гарри Трумэном прямо здесь, в Фултоне, стали приносить свои плоды. Потребовался еще один лидер, обладающий такой же смелостью и уверенностью, как Рональд Рейган, чтобы закончить работу и освободить сотни миллионов людей, которых Черчилль и Трумэн не смогли спасти от коммунистического гнета. Моя семья и я в Азербайджане были среди них. Так что не благодарите меня за то, что я здесь сегодня. Это я благодарю вас за мою свободу, за возможность быть здесь. По крайней мере тех из вас, кто голосовал за Рейгана!

И тем не менее в 2000 году, всего через девять лет после распада Советского Союза, после ликования толпы в Москве, когда носили статую основателя КГБ Феликса Дзержинского, Россия получила в качестве президента подполковника КГБ Владимира Путина. Моя мечта о воспитании моих детей в свободной и демократической России стала блекнуть. И не было тогда ни Рейгана, ни Трумэна, ни Черчилля, чтобы помочь нам. Сейчас мы должны найти в себе мужество, чтобы продолжить свою борьбу.

Как вы можете себе представить, выступление Черчилля здесь в 1946 году было крайне негативно воспринято в Кремле. **Я надеюсь, что в этом отношении моя сегодняшняя лекция соответствует той речи!**

По хорошо нам известным шаблонам советская пропаганда пыталась представить Черчилля и его речь-предупреждение как послание поджигателя войны, который предал миролюбивый Советский Союз. Я помню, как мой дедушка, член ВКПб с 1931 года, начинал сердиться, рассказывая мне про Фултонскую речь, которая стала поворотным пунктом в мировой истории. Если бы только он мог видеть меня сейчас! Тогда на термине “железный занавес” была сфокусирована вся советская пропаганда, и Черчилль подвергался нападкам как “генетический” антикоммунист, который был не в силах преодолеть свое предубеждение против коммунизма, несмотря на союз со Сталиным против Гитлера во время войны.

И в этом по крайней мере он был верен себе! Черчилль разглядел опасность большевизма еще в 1919 году, но тогда и впоследствии в 30-е годы (когда он говорил об опасности фашизма) его предостережения проигнорировали. Тем не менее мы не можем преуменьшить мужество, которое потребовалось ему для того, чтобы выступить против Сталина, человека, о котором он уважительно отзывался в течение всей войны. Вторая мировая война окончательно завершилась всего за 6 месяцев до выступления в Фултоне, но Черчилль уже понимал, что нет времени наслаждаться плодами победы. К счастью, на этот раз, в отличие от 1919 года, и в отличие от 1938 года, люди слушали его. Или, если быть более точным, слушал Гарри Трумэн. И что еще более важно — человек из Миссури реально действовал.

Это было замечательное партнерство — экс-премьер, аристократ, обладающий блестящим красноречием, и говорящий без прикрас президент из американской глубинки. Они непосредственно сталкивались со злом во время войны, чего нельзя сказать о большинстве нынешних лидеров. К сожалению, с момента окончания холодной войны стало немодно, политически некорректно говорить о таких универсальных моральных идеалах, как индивидуальная свобода и ценность человеческой жизни.

В 1946 году было далеко не очевидно, в каком направлении будет двигаться Америка. Эта мировая сверхдержава могла бы снова повернуться к миру спиной, как это было после Первой мировой войны. Трумэн вполне мог бросить Европу на произвол судьбы, позволить Сталину занять еще большую территорию — от Греции до Ирана — и отдать коммунистам Тайвань и Южную Корею. **Вместо этого, игнорируя внутренние политические риски, он защищал и перестраивал Европу и Японию и посылал миллиарды долларов для поддержки побежденных совсем недавно врагов.** Более того, Трумэн основательно и без суеты выстраивал политику и институты, которые защищали и направляли свободный мир в течение последующих десятилетий — ООН, НАТО, ЦРУ, Совет по национальной безопасности, “Голос Америки” и практически всю инфраструктуру холодной войны.

Трумэн был на посту вице-президента всего 82 дня, когда умер Франклин Рузвельт. Но он оказался нужным человеком в нужное время. Под сильным давлением среды этот упрямый маленький человек стал бриллиантом. Трумэн был упорным и последовательным. Его не интересовали место в истории или грандиозные заголовки в прессе. Не будет преувеличением сказать, что он спас мир, а затем вернулся в родной Индепенденс, штат Миссури, чтобы спокойно провести остаток своей жизни. А что может быть более американским, чем это?

Холодная война закончилась раз и навсегда в 1991 году с распадом Советского Союза. Это был великий момент, заслуженно отмечаемый во всем мире. Это был конец долгой и темной эпохи, но, к сожалению, он не был концом истории.

1992 год был, как и 1946, поворотным моментом истории. К сожалению, реакция у победившей стороны была совсем иной. Вместо того, чтобы воспользоваться преимуществом и проводить активную политику, свободный мир решил, что кто старое помянет... Чувство опасности, обусловленное наличием экзистенциального врага в лице СССР, исчезло. И ничто его не заменило. Дипломатические усилия вкуче с экономической помощью Европейского союза и Соединенных Штатов позволили быстро реформировать Восточную Европу, но не оказали должного влияния на многие бывшие советские республики, где коммунистическая диктатура быстро переросла в местные диктатуры, которые правят и сегодня, 25 лет спустя.

Институты, задуманные и построенные Черчиллем и Трумэном в 1940-е годы, не были обновлены или заменены, когда закончилась холодная война. Основной задачей ООН было заморозить возможный конфликт между двумя ядерными сверхдержавами. В этом плане её стагнация во многом стала способом решения этой проблемы. Но Черчилль предупреждал здесь в 1946 году, что мировое правительство должно быть силой добра и действий, а не так, как он выразился, “всего лишь вспениванием слов” и “верхушкой Вави-

лонской башни”. Как и многие из предупреждений этого великого человека, оно свершилось. Правила ООН позволяют некоторым из самых жестоких режимов заседать в Совете по правам человека, а диктаторам получать трибуну, чтобы читать нравоучения. И эти правила не дают никакой возможности защищать принципы ООН, заложенные ее основателями.

Холодная война была выиграна не только благодаря военному и экономическому превосходству Запада, но и благодаря ценностям, которые я, бывший советский гражданин, без сарказма называю “традиционные американские ценности”, или, более широко — западными ценностями. Черчилль призвал к союзу “англоговорящих народов”. Этот термин сегодня явно устарел. Защищать эти ценности — обязанность каждой демократии, и не только Соединенных Штатов, Великобритании и Западной Европы, но и каждого свободного и открытого общества, от Бразилии до Японии, от Южной Африки до Южной Кореи.

Глобализация является благом во многих отношениях, но мы позволяем ей тянуть нас вниз к наименьшему общему моральному знаменателю, вместо того чтобы подтягивать мир к более высокому моральным стандартам. Перефразируя Черчилля, **нам нужен союз “народов, говорящих на языке демократии”.** Нам нужны новые институты для решения проблем XXI века. Нам нужны новые механизмы, чтобы противостоять глобализованным диктатурам. Глобализация эффективно сжимает мир в размерах, повышает мобильность товарообмена, капиталов и рабочей силы. Одновременно это приводит к глобализации во времени — в XXI веке мы сталкиваемся с архаичными культурами и режимами, намеренными жить, как в прошедшие века. Радикальные исламисты стремятся переключить машину времени в средневековье и поощряют убийство всех, кто выступает против них, часто при поддержке фетв и на средства спонсоров террора, таких как Иран.

Владимир Путин хотел бы вернуть Россию в великодержавную эпоху царей и монархов — с опорой на военную силу во внешней политике и без выборов и жалоб о нарушении прав и свобод внутри страны. Как говорил Черчилль о Сталине 70 лет назад, Путин не хочет войны, но он желает воспользоваться её плодами. На Востоке Ким Чен Ын в КНДР пытается заморозить время в сталинском концлагере. Николас Мадуро в Венесуэле, братья Кастро на Кубе используют архаичную социалистическую пропаганду, чтобы противостоять усиливающемуся давлению в области прав человека.

Что объединяет этих “путешественников во времени”, так это их отказ от современности, или от того, что мы должны называть “современные ценности”. С помощью насилия и воинственной риторики “путешественники во времени”, атакуют признанного лидера свободного мира, который представляет для них главную угрозу — Соединенные Штаты. **Свободы, представленные “Первой поправкой” пугают радикальных мулл и диктаторов больше, чем любая атака дронов или экономические санкции.** И не заблуждайтесь — их главная цель останется неизменной независимо от того, как далеко зайдут Соединенные Штаты в политике самоизоляции. Глобальные экономики имеют глобальные интересы и стабильность имеет важнейшее значение для мировой торговли. Если только США не готовы отказаться от преимуществ, которые американские компании имеют благодаря дешевым энергоносителям и международным рынкам товаров и услуг, то тогда уход с мировой арены в условиях нарастающего хаоса является экстремальной формой саморазрушения.

Мы должны положить конец нашей самоуспокоенности не только на уровне внутренней или внешней политики, но на всех уровнях. Застойная политика и застойная экономика делают нас уязвимыми для любого типа деструктивной фантазии — от радикального ислама к ксенофобскому фашизму и до сладкоголосых сирен социализма. Мне жаль поклонников Берни Сандерса, но я прошел через это, и позвольте мне сказать вам: **неудачи капитализма гораздо лучше, чем успехи социализма!** Если современный мир не может указать нынешним молодым людям правильное направление и цели, то те

из них, которые будут искать цель жизни, отвергнут этот мир либо даже будут атаковать его.

Не случайно, что ценности американской истории — это также ценности инноваций и исследований. Индивидуальная свобода, риск, инвестиции, возможности, амбиции и готовность чем-то жертвовать. **Религиозные и светские диктаторские режимы не могут конкурировать с этими ценностями, и поэтому они атакуют систему, основанную на них.** Мы должны защищать наши ценности агрессивно, иначе мы будем их последовательно терять от одного теракта к другому.

Один из способов проиграть войну — не признавать ее — это то, как сегодня проигрывает свободный мир: через апатию, через отрицание и через самоуспокоенность.

Это не только метафорическая война ценностей. Это и реальные жертвы. Во время террористической атаки 11 сентября 2001 года 19 террористов убили больше американцев, чем весь японский императорский флот при нападении на Перл-Харбор! Тысячи людей погибли во время вторжения Путина в Украину, в том числе триста после попадания российской ракеты в малайзийский самолет рейса МН17. Атаки в Париже, в Сан-Бернардино, в Брюсселе и другие — далекие от заголовков нашей прессы — в Индонезии, Турции, Кении и Нигерии. Это война. И отказываясь признать это войной, мы выставляем наше гражданское население на линию фронта вместо солдат.

Между двумя крайностями политики умиротворения и войны есть очень большая серая зона под названием “лидерство”. Не будем забывать, что **политика умиротворения убила гораздо больше людей, чем сдерживание.** Может быть, это из-за того, что я вырос в коммунистической стране, я не могу так небрежно игнорировать сегодняшние страдания людей — от Кубы до Сирии и Украины. Те, кто сегодня возносит до небес Обаму, называли Рональда Рейгана “поджигателем войны”. Но все же именно Рейган — тот, кто освободил сотни миллионов людей от коммунистического ига, а не “мировотворцы” Ричард Никсон и Джимми Картер. Если Барак Обама был бы президентом вместо Рональда Рейгана, я бы, вероятно, все еще играл бы в шахматы за Советский Союз!

Несмотря на болезненные уроки истории, лексикон политики умиротворения приятен и утешителен, особенно в уставшей от афганской и иракской войн Америке. Сделки Обамы с Ираном и Кубой являются хорошими примерами того, как дипломатия может одержать “победу” если вы готовы делать диктаторам одну уступку за другой! Каждый раз, когда Белый дом делает новое заявление об Иране, я проверяю на веб-сайте Госдепартамента список государств — спонсоров террора. И, конечно, Иран все еще там! **Это не дипломатия, это капитуляция.** Каждый раз, когда Джон Керри встречается со своим российским коллегой Сергеем Лавровым, я подозреваю, что если они проведут вместе слишком много времени, то Керри вернет Аляску России!

Страны, которые ценят демократию и свободу личности, в настоящее время контролируют большую часть мировых ресурсов и свою военную мощь. Если мы объединимся и перестанем нянчиться с режимами-изгоями и спонсорами террора, то наш авторитет станет непререкаемым. **Наши финансовые ресурсы позволяют вкладывать в новые технологии, чтобы ликвидировать зависимость от ископаемого топлива, благодаря которому в настоящее время спонсируется большинство террористов и диктаторов.** Так называемые лидеры свободного мира говорят о продвижении демократии, продолжая на равных общаться с лидерами самых деспотических режимов.

Нельзя отстаивать демократию, стоя рядом с Владимиром Путиным.

Не говорите мне, что противостоять Путину слишком рискованно или что он слишком силен. **Он что, более грозен, чем Сталин, когда Трумэн остановил его? Он что, более опасен, чем СССР, когда Джон Кеннеди столкнулся с кубинским ракетным кризисом? Он что, более мощный, чем империя зла, которой бросил вызов Рональд Рейган?** Нет. Нет. И еще раз — нет! Наши враги не стали сильнее.

Это наша решимость ослабла. За 7 лет правления администрации Обамы мы увидели, что бездействие может иметь самые серьезные последствия. **Бездействие может разрушить альянсы. Бездействие может расширить возможности диктаторов и ободрить террористов и разжечь региональные конфликты. Бездействие может убивать невинных людей и создать миллионы беженцев.** В Сирии мы увидели ужасающие доказательства того, как печально известная “красная линия” Обамы была обогрета кровью.

Гарри Трумэн в 1951 году, защищая вмешательство США в Корею, в речи в часовне Четырех капелланов в Филадельфии предупредил нас. Он сказал, что американские солдаты сражаются и погибают, чтобы предотвратить начало большого конфликта, и что сдерживание коммунистической агрессии — единственный способ избежать новой мировой войны. Трумэн сказал: “Пока идет война, никто не может точно определить цену, которую надо заплатить за победу” — и продолжил: “Мы не можем возглавлять борьбу за свободу, находясь в арьергарде”.

Сегодня Обама и его коллеги-неоизоляционисты с обеих политических флангов игнорируют эту истину. Они хорошо знают, что немногие из тех, кто имел властные полномочия, чтобы предотвратить трагедию, но отказались это сделать, будут осуждены. В то время, как одна смерть в результате интервенции вызовет резкую общественную реакцию. Четверть миллиона смертей, десятки терактов, миллион беженцев — это политически приемлемые последствия бездействия. Но одна случайная смерть при попытке предотвратить эти ужасы считается политически неприемлемой. Это жуткая арифметика умиротворения в 21-м веке. Мы не должны позволить страху “сделать хуже, чем есть”, парализовать наши попытки сделать мир лучше.

Я считаю неправильной саму постановку вопроса: следует ли Соединенным Штатам играть роль “мирового жандарма”. Глобальное лидерство — вот что требуется, а не полицейский патруль, который иногда стреляет или подвергает ковровым бомбардировкам плохих парней. Американцы привыкли требовать невозможного, и их политики приспособились к их требованиям. Непрерывно растущий госдолг подпитывает систему образования и фондовый рынок. **Но призывы к обеспечению большей безопасности сопровождаются отказом принести какие-либо жертвы, чтобы этого добиться.** Двухпартийный консенсус по ключевым вопросам оказался полностью разрушен узкопартийной повесткой дня. Идея, что Америка может быть глобальной силой для обеспечения стабильности и свободы во всем мире была отброшена нынешней вашигтонской администрацией как не отражающая настроения американского обывателя, который более интересуется мимолетными ценностями фондового рынка, чем непреходящими ценностями глобальной демократии. **Мы должны ориентироваться на следующее поколение, а не на очередной опрос или очередные выборы.**

Да, я выступаю за возвращение тех принципов и той политики, которые доминировали на Западе во времена холодной войны. Но это не значит, что я хочу повернуть время вспять. Как сказано в Библии, “никто не вливает молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино прорвет мехи, и само вытечет, и мехи пропадут”. Мы не можем влить современное вино глобализации и многополярный мир в старые мехи устаревших норм и правил холодной войны. **Времена меняются. Обстоятельства меняются. И наши институты должны измениться. Но только не наши ценности.**

Сегодня мы находимся в здании, которое было построено из камней церкви в Лондоне, уничтоженной нацистскими бомбами. Без сомнения — это достойный мемориал. Ценности, благодаря которым была выиграна холодная война — это фундамент, на котором мы должны строить наше будущее. Ценности Уинстона Черчилля — это фундамент, на котором мы должны воплотить его видение глобальной демократии, мира и глобального процветания. У нас есть для этого все необходимые ресурсы, и у нас есть силы. **Все, что нам нужно, — это решимость продолжать.**

9 апреля 2016 года